

**«Написан я в первую статью в бытейщики»:
социальная идентичность царедворцев и шляхетства
при Петре Первом***

Андрей Захаров

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия

**The Social Identity
of the Courtiers and Nobility
under Peter the Great****

Andrey Zakharov

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

This article examines one of the aspects of the social identity of the Russian nobility in the first quarter of the eighteenth century. The author regards social identity as a set of retrospective practices of self-naming, the person's self-identification, and social identification by the state, rank groups, and society. Referring to new material from archival sources and published correspondence, the author studies the semantics of little-known service categories of *tsaredvortsy* (courtiers) and clarifies the history of the words denoting them. Peter I treated seventeenth-century "service" terminology pragmatically and tried to perpetuate the word *tsaredvortsy* to denote servicepeople of all kinds. In the early eighteenth century, as the word *shlyakhetskiye* (originating from the Polish word *Szlachta*) was spreading in translated documents and letters, the tsar introduced the neologism to

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42073 (Петровская эпоха).

** *Citation*: Zakharov, A. (2022). The Social Identity of the Courtiers and Nobility under Peter the Great. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 955–975. DOI 10.15826/qr.2022.3.711.

Цитирование: Zakharov A. The Social Identity of the Courtiers and Nobility under Peter the Great // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 955–975. DOI 10.15826/qr.2022.3.711 / Захаров А. «Написан я в первую статью в бытейщики»: социальная идентичность царедворцев и шляхетства при Петре Первом // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 955–975. DOI 10.15826/qr.2022.3.711

use among service people. Clerks and the nobility already knew the word. Simultaneously, service vocabulary to refer to courtiers and “city noblemen” was developing in the official documentation. The article examines such examples of office vocabulary as *lyudi polkovoy sluzhby*, *lyudi nalitso*, *nachalnye lyudi*, *otstavnye*, *kryzhovniki*, *pod krestom*, and *v stolovykh netyakh*. Hundreds of representatives of military and service people referred to themselves as *byteishchiki* or as being *v chetvertyakh* or *v statyakh*. The author examines the practices of classifying service people as *byteishchiki* with reference to authentic statistics and the biography of I. N. and V. N. Tatishchev and officers of the Azov Dragoon Regiment. The author concludes that by the beginning of the 1720s, most service categories of *tsaredvortsy* had lost their relevance but they remained in the memory of the nobility while *tsaredvortsy* themselves became recruited again.

Keywords: Peter I, identity, *shlyakhetstvo*, nobility, Peter I, Razryadniy Prikaz, Muscovite ranks, concept history, V. N. Tatishchev

В статье исследуется один из аспектов социальной идентичности представителей служилого дворянства в первой четверти XVIII в. Социальная идентичность понимается автором как совокупность ретроспективных практик самоименования и самоидентификации человека, социальной идентификации со стороны государства, чиновной группы и социума. На новом материале архивных источников и опубликованной переписки автор изучает семантику малоизвестных служебных категорий царедворцев и выясняет историю обозначающих их слов. Петр I достаточно прагматично относился к «чиновной» терминологии XVII в. и попытался закрепить слово «царедворцы» для обобщения «чиновной пестроты». С распространением в начале XVIII в. в переводных документах и в переписке полонизма «шляхетские» царь внедряет для обобщения чинов неологизм, уже известный в кругу служилых людей и сановников. В то же время в приказной документации развивается служебная лексика для обозначения царедворцев и «городовых дворян». Контекстно изложены основные термины канцелярской лексики о царедворцах: люди «полковой службы», «люди налицо», «начальные люди», «отставные», «крыжовники», «под крестом», «в столовых нетях». Сотни представителей «ратных» и «чиновных людей» называли себя в челобитных и сказках «бытейщиками» или состоящими «в четвертях», или «в статьях». Практика записи служилых людей в бытейщики изучена на примерах аутентичной статистики и «служб» офицеров Азовского драгунского полка И. Н. и В. Н. Татищевых и их «братии». Сделан вывод о том, что к началу 1720-х гг. большинство служебных категорий царедворцев окончательно исчерпали практические задачи правительства, а собственно царедворцы вновь рекрутировались на службу.

Ключевые слова: Петр I, идентичность, шляхетство, дворянство, Разрядный приказ, московские чины, историческая лексикология, история понятий, В. Н. Татищев

Ракурсы социальной идентичности

Для понимания мироощущения и мотивов действий человека в прошлом незаменимо представление о его социальной идентичности – совокупности восприятий людьми самих себя и друг другом. Основные аспекты социальной идентичности «чиновной группы» выражены практиками самоименования, самоидентификации ее представителей, их социальной идентификацией со стороны представителей власти, группы, социума. Чины, звания, именованья и самовосприятие человека выражались неодинаково в контексте синхронных исторических документов различного происхождения. Как известно, составители любого текста могли невольно генерировать устоявшиеся формулы служебной идентификации человека или отражать их под влиянием этикетных штампов, заданного формуляра документа. Например, именование человека в сказках, «приездах», «допросах», как правило, фиксировалось с его слов писцами. В самоименовании говорящего оставался отпечаток диалога и письменной трансляции. Неизбежными оказываются «двойные отображения» социального облика человека историческим документом и описанием историка на формализованном языке интерпретаций. Исследователями справедливо отмечается важнейшая особенность исторической реконструкции, генерирующей знание, которое не может быть верифицировано с утраченными социальными объектами и оригинальной устной речью. Ряд трактовок социальной идентичности «дворянства» («консолидации», «сословности», отношения к «эпохе» и т. д.) сложился под влиянием историографических воззрений или в силу недостаточного документального обоснования. Нивелировать наиболее очевидные искажения позволяют достижения исторической семантики, исторической психологии и антропониимики и исторической лексикологии [Skinner; Литвина, Успенский; Волков; Марасинова; Границы и маркеры социальной стратификации].

Каждое поколение отечественных историков, начиная с Б. Н. Чичерина, предлагает свой вариант трактовки статуса человека Московского государства через историко-социологические построения. Неизбежно возникают неологизмы в описании социального организма, а терминология практически каждого поколения исследователей заново нормируется. Современные термины в изображении российского общества XVII–XVIII вв. семантически отличаются от аутентичных слов, от которых произошли¹: «корпоральство» (корпорация), «генералитет», «государев двор», «гвардия», «дворяне». Слово «чин», многозначное в языке XVII в., до сих пор

¹ Примером «историографической» аберрации социальной идентичности человека XVII–XVIII вв. выступают неологизмы, получившие статус общепринятых: «глава правительства», «член Боярской думы», «член государева двора». Как правило, эти неологизмы используются в научных текстах совместно с аутентичными терминами: «палатные люди», «ближние бояре» (для возведенных из чина комнатного стольника), «люди московских чинов», «царедворцы». Необычна коллизия научного термина «государев двор», который для второй половины XVII – начала XVIII в. экстраполируется на людей московских чинов, хотя в то время аутентичным выражением «государев двор» именовались исключительно «дворовые люди» (дворцовые служители), не имевшие московских чинов.

экстраполируется на группы людей, не являвшихся чинами в представлении современников той эпохи. В этом сказывается влияние дидактической схемы В. О. Ключевского о сословиях и чинах. Аутентичное слово «чин», наиболее адекватное для описания московского общества, уже стало историографическим термином с современными коннотациями и «стандартами» формулировки. Зачастую имя и статус подданного московского государя определяются исследователями в контексте одного чина или страты, отражая не социальную идентичность человека, а статичную «историографическую стигматизацию» исторической личности.

Большинство русских современников XVII–XVIII вв. идентифицировали себя исключительно в контексте служебных отношений. Место человека в этом пространстве непрерывно контролировалось властью, наделявшей подданного чинами, званиями, временными служебными статусами. Это умножало объем и разнообразие официально-деловой и учетной документации, которая от многих учреждений не дошла до нашего времени или сохранилась фрагментарно и распыленно по архивам. Многие чиновно-служебные категории шляхетства, практики наряда, уклонения, замещения и отставки от службы, соответствующая им лексика остаются до сих пор слабоизученными. Парадоксально, но среди них находятся и основные понятия повседневной среды служилого человека.

Лексику социальных отношений XVII–XVIII вв. специализированные словари транслируют преимущественно по опубликованным документам, составляющим лишь вершину айсберга от всех архивных документов. Контекстное понимание лексики частично решается проектом «Национальный корпус русского языка», который также ориентирован на опубликованные и уже введенные в оборот тексты. Поэтому многозначный лозунг «читаем архивы», выдвинутый Мишелем Пешо, для понимания забытых слов и их значений в ближайшие десятилетия вряд ли устареет [Pêcheux].

Старомосковская лексика чиновного быта

Для метаописания социальных категорий рубежа XVII–XVIII вв. хорошо известны слова «чин», «разряд», «титул», «сан», «честь». Посольские дьяки, приглашая иноземцев на службу во время Великого посольства, шаблонно вносили в проезжие грамоты и другие определения: «род», «звание», «какого ни есть состояния, степени, уряду, чину, достоинства или преимущества» [Памятники, т. 8, стб. 1391; т. 10, стб. 1253, 1319, 1353]. Для реконструкции различных практик именованных служилых людей наиболее информативны материалы массовых источников делопроизводства², опубликованной переписки, законодательства и дипломатической документации.

² Основной поиск данных осуществлен по авторским полнотекстовым и регестовым базам данных источников 1690–1723 гг.: из практически полного объема сказок «Генерального смотра 1721–1723 гг.», из «отставных» сказок, разрядных записных книг 1700-х гг., из представительного объема заручных челобитных и отписок 1703–1708 гг., разрядно-сенатских служебных списков 1690–1721 гг.

Лексика русской устной и письменной речи при Петре I быстро насыщалась неологизмами под давлением военных интересов государства и внедрения облика иностранных институций в администрации. Некоторые неологизмы образовались как кальки иностранных именований, а большая часть – при смешении двуязычных терминов. Эксперименты царя в изобретении названий для старых и новых должностей первыми должны были ощутить приказные служащие в 1700-е гг. Московские подьячие быстро научились скрипучим пером выводить экзотические звания: «архиатр энд физикус и примариус», «генерал рыденбант святого апостола Андрея», «президент и судия», «генеральный писарь и секретарь»³. Звучные нагромождения постепенно трансформировались в краткие слова, вошедшие в литературный лексикон, или угасли вместе с первыми обладателями редких званий.

В названии нескольких чинов XVII в. повторялось слово «дворяне». При этом служилые люди не состояли в «сословии дворян», а, напротив, относились правительством к различным «чиновным кругам»: дворяне московские, дворяне городовые, архиерейские дворяне, дворяне при особе посла. Та же ситуация во многом воспроизводилась и позже, несмотря на царские указы и внедрения «шляхетского» начала. Например, на генеральный смотр 1722 г. в Москву явилось 377 «дворян синодального и архиерейских домов» [Захаров, с. 177]. Как правило, они происходили из домовых подьячих или светских служителей церковных владык, владели землей, пустошами, но не дворовыми людьми и крестьянами, тяготев по владельческому статусу к однодворцам. «Домовых» людей архиереев отправляли «к делам и посылкам» в различные епархии и к Синоду⁴.

В дипломатических миссиях люди, имевшие чин ниже стряпчего («московского списка»), и служилые иноземцы для повышения статуса в XVII в. получали особое звание дворянина при особе посла. Звание и статус дворянина при отправлении посла князя Я. Ф. Долгорукого в 1687 г. получил его племянник Василий Лукич – задолго до пожалования в стольники, состоявшееся 17 марта 1691 г. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 32. Л. 145 об.]. В таком же звании при иноземных дворах щеголяли несколько бесчиновных особ и «дворянин Александр Меншиков» [Памятники, т. 8, стб. 614, 1306], ближайшие предки ко-

³ Вопреки распространенному мнению, известный петровский сподвижник и дипломат П. П. Шафиров не был первым обладателем секретарской должности в российской администрации. Первым звание «секретаря» получил дьяк Любим Сергеевич Судейкин: «По указу великого государя за пометою думного дьяка Протасья Микифорова» 24 апреля (4 мая) 1702 г. было «велено ему быть на службе в Большом полку. И в Розряде в списках писать его генеральным писарем и секретарем Большого полку выше дьяков». Таким образом, эта дата точно фиксирует появление в России должности, упоминавшей звание секретаря [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 46. Л. 291].

⁴ В инскрипции сказок и приездов служителей новгородского архиепископа Федосия самоидентификация выражена от лица говорящего: «монастыря поместный сын боярской», «домовый сын боярской», «епархии сын боярской» [РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 328. Л. 249–251].

того не состояли в московских чинах. Такая практика в московской дипломатии была типичной.

Созвучие чиновных званий было причиной того, что слово «дворяне» не применялось для обобщения разноликих служилых чинов Московского государства. Для неологизмов с семантикой обобщения служилых людей языковая среда складывалась очень медленно, вместе с размыванием чиновных границ, но инерционный ход оказался искусственно прерван.

Первые упоминания о царедворцах и шляхетстве

В первой четверти XVIII в. слова «царедворцы» и «шляхетство» прочно вошли в письменную речь для обозначения русских служилых людей, далеких от окружения царя и царских комнат. Наиболее раннее упоминание слова «царедворцы» в русских письменных источниках фиксируется в 1696 г. в письме боярина князя Б. А. Голицына к Петру I. Голицын писал молодому царю:

А что милость твоя, моего государя, соизволил писать о царедворцах (по опостолу Павлу: идеже падение, тут и востание, и пословица простая: у старосты по две радости не бывает, также и сие) потешило, сперва хотели также учинить... [Письма, т. 1, с. 583].

Увы, царское письмо к боярину не сохранилось, что затрудняет надежную трактовку слова «царедворцы». Но контекст словоупотребления сохранился в близких документах⁵. Известный соратник Петра генерал А. М. Головин в марте 1700 г. обращался к царю, деликатно советуя пути устройства своего «генеральства»: «Началных, государь, людей не поволиш ли набирать из царедворцов и из заморских, а я истинно то делать рад; лутче их учить, нежели тех, которые присланы из Ыноземского приказу» [Там же, с. 806]. К царедворцам не причислялись комнатные стольники, о чем говорит письмо того же Головина:

...изволь же, государь, ко мне писать, чтоб из комнатных и ис царедворцов написать в науку пехотного строя, и я комнатных, которые были за морем, написал и повестил, чтоб явились в Преображенском апреля 17-го числа, а для царедворцов, стольников, и стряпчих послал память в Розряд, чтоб прислали списки [Там же, с. 814].

Известно, что на смотре летом 1700 г. в полковое учение «в начальные люди» отправили 940 царедворцев [РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 767. Л. 874]. Другие свидетельства о тождественной семантике выражений «московские чины» и «царедворцы» относятся

⁵ Сложно установить, вошло ли слово «царедворцы» в придворную лексику из библейских и богословских книг. В двух книгах церковнославянского перевода Ветхого Завета упоминается выражение «царев муж» [Быт. 37 : 36; 39 : 1; 40 : 2,7. Ис. 22 : 15], которое в синодальном переводе середины XVIII в. транслируется как «царедворец». В Новом Завете – дважды [Ин. 4 : 46, 49].

к 1702 г. На вопрос боярина Б. П. Шереметева о выборе двух «генеральных адъютантов и генерал-квартирмейстера» царь отвечал кратко: «выбрать из царедворцов» [Письма, т. 1, с. 11]. Глава Посольского приказа боярин Ф. А. Головин в письме от 25 июня «из похода архангельского» к боярину князю М. А. Черкасскому обращался также лаконично: «по указу великого государя о высылке царедворцов на службу в Смоленск». Интересно, что под этим письмом разрядный дьяк вывел резолюцию в старинной риторике: «велеть тех московских чинов людей столников, и стряпчих, и дворян, и жильцов (помета над строкой: “и городовых”) по прежнему наряду и по росписке в Большой полк и в Ладугу» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 1179]. Бояре Б. П. Шереметев и Т. Н. Стрешнев дольше других оставались приверженцами старой лексики, несмотря на новую манеру царского слога. Слово «царедворцы», бытовавшее в 1690-е гг. в дворцово-обиходной речи, только через два десятилетия постепенно вытеснило свой синоним и давний московский канцеляризм «люди московских чинов».

Петр I сознательно насаждал новую лексику через законодательные тексты. Утверждая переименования некоторых институций и должностей, царь вводил и другие неологизмы. В историографии утвердилась версия, что слово «шляхетство» впервые прозвучало в указе Сенату 1712 г. в контексте обобщения: «сказать всему шляхетству, чтоб каждой дворянин (какой бы фамилии не был) почесть и первое место давал обер-офицеру и службу почитал» [Романович-Словатинский, с. 3; Письма, т. 12, вып. 1, с. 22–25]. Царь подчеркнул преимущество обер-офицерства и разницу с чином неофицерским, но шляхетским. В начале XVII в. польско-литовские слова «шляхта», «шляхтич», «шляхетные» широко использовались в документации Посольского и других приказов. «Шляхтой» в русских документах рубежа XVII–XVIII вв. назывались военно-служилые «особы» не только польского, но и любого иноземного происхождения, казаки «литовско-смоленских рубежей». Особый статус служилых людей с помощью заимствования иностранного слова сохранялся в названии «смоленской шляхты» в русских документах. Буквальная семантика русского слова «шляхетство» и польского «шляхта» не совсем одинакова. В обозначении русских подданных при Петре I никогда не использовалось производное «шляхтич». Только в конце 1710-х гг. российские служилые люди зачастую именовали себя в сказках и челобитных «из шляхетства»⁶.

Однако первые примеры проникновения в русский язык слова «шляхетный» по отношению к русским людям встречаются ранее 1712 г. и отражают историю слова как постепенную адаптацию

⁶ Анализ сказок русских офицеров и участников сенатского смотра 1721–1723 гг. показывает, что самоименования «из шляхетства» и «из царедворцов» также буквально не совпадают. Родом «из царедворцов» себя называли обладатели в прошлом московских чинов, получившие армейские чины или новые должности. Родом «из шляхетства» называли себя как бывшие царедворцы и их дети, так и недоросли и городовые дворяне и их потомки.

и знакомство служилых подданных с неологизмом. В 1698 г. генерал А. Вейде в своем «Уставе» прославлял царя, который во время Великого посольства «не щадил трудов в снискании и испытании по лучшей мере шляхетных воинских хитростей». Как внимательный читатель Петр I заметил в русском переводе этой речи два выражения: «общая польза» и контекст слова «шляхетный» [Вейде, с. 15].

Влияние новой лексики устанавливается и в связи с другим переводом иностранного текста. В Разрядный приказ 6 февраля 1701 г. поступила заручная челобитная стольников П. М. и И. П. Бестужевых. Стольники «з братьями и с племянники» просили именовать свой род Бестужевыми-Рюмиными для разделения с представителями другого рода, которые «пишутца их прозванием Бестужевы». Челобитчики сообщили, что в 1686 г. они к «родословной книге» подали поколенную роспись рода Бестужевых и описание герба. Разряд подготовил выписку о прародителе Бестужевых-Рюминых Гавриле Бесте, который якобы пришел «из Аглинские земли к Москве к великому князю Василью Дмитриевичу». Составители выписки изложили о «бытности де ево Гарилове фамилии шляхетства», о которой в Лондоне «в Гербовом доме описуетца, и бытность их значит в Лондоне в графствах Контском и иных государства Аглинского». В основе выписки оказался перевод грамоты, утверждавшей важное для челобитчиков свидетельство: «Вам ведомость чиню, яко шляхетный и древней фамилии Бестиоров... около лета Христова 1403-го господин Габриэлус Бест из сей фамилии рожден» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 130. Д. 16. Ч. 1. Л. 52–57].

Бестужевым, претендовавшим на новое прозвание, еще в 1696 г. удалось заполучить подлинную грамоту о происхождении Гаврилы Беста. Разрядный приказ заказал перевод грамоты с латинского языка переводчику Николаю Спафарию, который и упомянул сановного посредника: «по прошению ясновелможного и прешляхетного господина Феодора Головина». Подробное изложение челобитной и грамоты Бестужевых вошло в разрядную записную книгу 1701 г. До этой поры «шляхетными особами» в приказной документации назывались только представители европейских шляхетных дворов. Первым русским «прешляхетным господином» при Петре I был назван боярин Ф. А. Головин до получения своего графского титула.

Почтение «шляхетностью» было обычным при обращении к иностранцу. Тот же боярин Головин называл своего собеседника генерала барона Розена в 1706 г. «высокоблагороденный, шляхетнейший и превосходительнейший господин» [Письма, т. 4, с. 808]. А генерал князь Н. И. Репнин в то же год величал петровского фаворита А. В. Кикина, сына русского воеводы из стольников, «благоты шляхетный мой господин» [Там же, с. 615]. Таким образом, удастся документально проследить два канала распространения слова «шляхетный» на русскую знать – в переписке царского окружения и в переводных текстах.

В «полковой службе», в нетчиках или «под крестом»

Московские чины ежегодно записывались Разрядом в объемные боярские и жилецкие списки, раздробленные на множество рубрик по служебному статусу, а для жильцов – по годам производства в чин⁷. Основные перечни-рубрики каждого московского чина⁸ назывались одноименно чинам: стольники, дворяне московские, стряпчие, жильцы. Разрядные подьячие в справках-выписках на запросы других приказов большую часть царедворцев отмечали: «в полковой службе». Это определение обозначало формальную запись в «полковом» (основном) перечне каждого чина для возможного наряда царедворца в полки «бояр и воевод».

В инскрипции заручных челобитных типична формула «служу я тебе, великому государю, полковую службу в стольниках» или «по московскому списку во дворянх». Авторы челобитных четко понимали свой статус (или статус челобитчика), который логично считать в современном понимании служебной категорией. Но самоименование человека по канцелярской формуле «стольник (или иной чин) полковой службы» не характерно для XVIII в. и в разрядно-сенатской документации не встречается.

Другие крупные служебные категории – «начальные люди» и «отставные» – связаны с назначением в офицеры и отставкой от нарядов в «полковую службу». Царедворцев «полковой службы», выбранных на смотре «к учению» и/или в офицерский чин, Разрядный и Военный приказывали отправляли в полки. При этом царедворца «полковой службы» из основного перечня подьячие выписывали в перечень «начальных людей», что не было парадоксальным. Так, потенциально годные к службе отделялись от реально назначенных царедворцев в полки и «в поход». Практика служебной идентификации человека не говорит о формализме и «волоките», шедших от служащих Разряда. Без этого навыка и повседневной обязанности приказных людей принятый порядок учета утратил бы смысл.

Как известно, имя человека, пропустившего смотр или поход, попадало в особые перечни – «в нети». Отметка в «нетях» немедленно вела к розыску для смотра и наказанию в виде отсылке нетчика «в дальний поход» или отписке имений. За «ранний приезд» на смотр царедворцы поощрялись правом на время остаться в столице или на время «похода» получали повышенное жалование⁹. Одной «нетей» было достаточно, чтобы отписать на государя все поместья

⁷ Эти официальные документы составлялись до 1721 г., как правило, ежегодно в нескольких вариантах, все боярские списки за 1714–1719 гг. ныне утрачены.

⁸ Термин «основные рубрики» оказалось целесообразно использовать для ранжирования чиновных перечней при публикации боярских списков XVIII в., чтобы отделить их от множества частных (внутричиновых) рубрик.

⁹ Так, значительная часть царедворцев в 1703 г. за «севский ранний приезд» в 1704 г. осталась «на Москве», а нетчики и «поздноприездцы» были отправлены в севский полк к князю М. Г. Ромодановскому.

и вотчины служилого и заставить его явиться в Разряд «бить челом» о «неотписке» имений. Пропустившие несколько смотров отмечались пометами «в двух» (или «в трех» и т. д.) и отправлялись «в поход» с припиской числа «нетей».

Интересно понятие «столовые нети», обозначающее пропуск одного из смотров в Столовой палате царского московского дворца. Жилец, пропустивший один из таких смотров 1703–1705 гг., в инскрипии разрядных допросов именовался «жилец нетчик». Хорошо известны с XVII в. и перечни имен «в естях», хотя специального термина для идентификации человека, прибывшего в полк или на смотр вовремя, не требовалось. Нетчики совершенно отличны от «новииков» – недавно записанных в любой ратный чин. Рано или поздно они «били челом» с просьбой установить новичной поместный и денежный оклад, который определялся по примерам жалования «братии».

Для работных людей и приказных подьячих кроились свои «нети». В приказных памятях и царских указах «нетчиков» называли «ругательно с великой укоризной» «огурщиками и ослушниками». Как понятие уклонения от служб «огурство» вошло в московское законодательство. Воеводы беспрестанно разыскивали нетчиков, составляя по требованию Разрядного приказа отписные книги на поместья и вотчины по своему уезду. За январь – февраль 1705 г. воеводы отправили в Разряд 397 отписок, в 15 из которых шла речь о розыске, высылке и отписке имений с нетчиков. Перед «нетством» как перед болезнью все оказывались равны, но наказания служилых и работных людей отличались. С нетчиков из работных людей взимались деньги за «прошлые неслужбы»¹⁰. «Поздноприездцев» из царедворцев отправляли в «дальний поход».

В приказной документации встречаются пометы напротив имен царедворцев «Написан под крестом», что указывает на отметку из других источников. В смотренных и боярских списках на полях «крыжом» (знаком креста) приказные служащие отмечали фамилии людей для выбора к определенной службе или для особых поручений. Отмеченный «крыжовник» мог остаться и без назначений. Так, стольник Н. С. Тимирязев в 1705 г. был «по государеву смотру написан под крестом. И по списку из Ынгермоланской оставлен, дел не предложено» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 52. Л. 27 об.]. Согласно «Запискам Желябужского» (которые до сих пор целиком приписываются окольному И. А. Желябужскому, умершему в 1692/93 г.¹¹) известно, что Петр I лично проводил смотр «крыжовникам», разбирая в назначенный день ранее отмеченных царедворцев [Желябужский, с. 313].

¹⁰ Стольник кн. М. П. Гагарин прислал в разряд 26 февраля 1705 г. «имянную роспись перекопной работы нетчиком» 32 городов. Из 15 отписок в семи воеводы отвечали о нетчиках из «работных людей»; в шести случаях – о служилых людях, две из них касались царедворцев; в двух – о нетчиках из недорослей [РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Вяз. 35. Д. 1. Л. 28].

¹¹ Наиболее вероятным составителем «Записок» мог быть стольник С. В. Желябужский, отмеченный умершим в 1711 г.

Списки служилых людей, отмеченных «крыжами» с пометами и почерком царя, сохранились до нашего времени. «Крыжовники» не имели ничего общего с нетчиками, если не попадали на очередном смотре «в нети». Стольник Б. И. Бутурлин, как и многие, оказался на смотре в 1706 г., но был отмечен «под крестом», а позже записан «в Семеновском полку в прапорщиках» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 176. Л. 25 об.].

Бытейщики Татищевы и «их братия»

В списке «полковой службы» могли оказаться недоросли из детей царедворцев. Так случилось с будущим устройтеlem заводов, знатком историописаний и географии В. Н. Татищевым. Вместе со старшим братом он был зачислен из царицыных стольников в царские в 1700 г. По смотру на Постельном крыльце «июня з 26-го числа для малых лет дано в службе льготы на 4 года» Василию Татищеву, и на три года – Ивану [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2 Д. 46. Л. 481 об.]¹². Малолетними по нормам того времени считались юноши до 15 лет, получавшие на смотрах отсрочки от нарядов. Достоверно известна дата рождения Василия Татищева – 19 апреля 1686 г., то есть по принятому тогда счету возраста он уже был 15-летним¹³.

При малом росте (менее двух аршинов и двух вершков), болезни или худобе давалась отсрочка от службы – «льгота». Без отсрочки братья Татищевы могли оказаться уже летом 1700 г. «в учении», а осенью с другими царедворцами могли осаждать Нарву, идти в другие военные «походы». Но этого не случилось, хотя льготы 1700 г. высчитывались с точностью до дня [Ф. 210. Оп. 2. Д. 47. Л. 179]. Братья Татищевы получили льготы якобы как малолетние. Наряд на службу старшему предстоял в 1704 г., младшему Василию – в 1705 г.

От ожидавшегося наряда на военную службу Татищевы скрывались, пока о не служивших братьях в 1705 г. не донес Петр Шилов. Он написал пространный извет на 173 «огурщика», которые «службы не служат»¹⁴. Разряд допросил 48 человек, поведавших свои истории. В заручной сказке от 25 июля 1705 г. 20-летний Василий Татищев объявил себе 16 лет, а 22-летний Иван «сказал себе» 17 лет. По их версии, смотр на Постельном крыльце состоялся не в 1700 г., а в 1701 г., и «дано им в службе льготы, а на сколько дано – о том де ведомо в Розряде» [Ф. 210. Оп. 3. Д. 73. Ч. 2. Л. 830 об.]. В Разряде, по-видимому, происходили манипуляции с увеличением и «продлением» льгот,

¹² Пометы сделаны на списке смотров 1703 г. Достоверность «льгот» подтверждается в списке приездов царских и царицыных стольников в разряде с 10 по 26 июня 1700 г., когда еще не менее 11 стольников цариц получили льготы от двух до десяти лет [Ф. 210. Оп. 2 Д. 44. Л. 96 об.].

¹³ Все петровское время возраст исчислялся исключительно по неполным годам. Так, едва наступивший 15-й год записывался «15 лет». Основанием при розыске для выяснения возраста могли быть заручные сказки самого челобитчика или его отца с указанием возраста детей.

¹⁴ Тогда же изветчик Иван Жидовинов подробно описал 477 чел., избегавших государственной службы, и в том числе 83 царедворцев.

которые были явно на руку братьям¹⁵. Преуменьшая свой возраст, незаконно добиваясь льгот, Татищевым удавалось скрываться от службы не менее пяти лет. В случае разоблачения молодым стольникам грозило солдатство, а для научивших их писать «малыми летами» – отписка всех имений [ПСЗ-1, т. 4, № 1960]. Сообщение В. Н. Татищева об отпуске на службу в 1704 г. «родителем» и приписанное ему биографами якобы участие во взятии Нарвы, в сражении под Мур-мызой обоснованно критиковались историком Е. Е. Колосовым в 1960-е гг., не обнаружившим документальных подтверждений слов Василия Татищева [Колосов]. Несмотря на эти изыскания, в историографии конструировался мифический образ воинственного поручика, закалившего характер в первых сражениях Северной войны.

Запись братьев Татищевых в апреле 1706 г. о наборе в драгунский полк гласит: «Ис бытейщиков же, а служили в стольниках»¹⁶ [Волынский, с. 542]. Но подробно она раскрывается в контексте других документов. Ивана и Василия Татищевых вместе с 19 «бытейщиками из житья» и 12 царедворцами из «1-й статьи» 16 мая 1706 г. отправили в полк думного дьяка А. И. Иванова, который был переименован в Азовский драгунский полк с 1707 г.¹⁷

Кем же были «бытейщики», почему так назывались, и в чем их отличие от других категорий царедворцев? Новое слово этимологически восходит к помете «быть» из чиновных росписей XVII – начала XVIII в. Смысл помет раскрывают разрядные справки и перечни. Один из первых наборов «в быть» состоялся на смотрах февраля – марта 1703 г. под эгидой генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева и боярина Т. Н. Стрешнева. В этом «быть» оказался жилец К. И. Зыков, пропустивший смотр в феврале и поэтому записанный в «нетии». Спустя несколько недель о жильце справились подьячие:

...А марта во 2 день тех нетчиков в Столовой полате смотрели, и над ево Кузминым именем отмечено «быть»¹⁸. И ис того бытья отослан он

¹⁵ В разрядном деле по изветам на огурщиков справка о льготах Татищевым отредактирована, зачеркнут заголовок «В службе с 700-го году дано сроку». Ниже заголовка перечислены только Татищевы с пометами о льготах: «с 701-го по 705 год» – напротив имени Ивана Татищева, «с 701-го по 706 год» – у Василия. Ниже на том же поле листа вписана помета «зри на лапку такову» и цифирь в кружке «700», что восстанавливает верное чтение года заголовка [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 73. Ч. 2. Л. 802 об.].

¹⁶ Следующие за Татищевыми 16 офицеров этого полка из жильцов указаны далее в этом списке, 12 из них также отмечены «из бытья» или «в быть». В другой «Росписи господина Иванова отослано к нему в полк в офицеры московского чину людей» повторяются все, кроме Ф. Павлова, и вдобавок 17 чел., «которые ныне в ученье у Григорова». Все 34 были «мая в 18 день отосланы к господину Иванову, кроме Ивана Чичерина» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 72. Л. 56–56а об.].

¹⁷ К росписи назначенцев был добавлен И. Н. Мусин-Пушкин «из городовых по Дмитрову» [Волынский, с. 542].

¹⁸ По смотрам Столовой палаты 1703 г. Зыков был записан в числе 410 царедворцев, выбранных в начальные люди. А 6 марта Разряд получил этот список от князя И. Львова, и в нем Зыков в числе нескольких десятков жильцов был отмечен пометой «быть» для выбора в пешие кадеты [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 46. Л. 311 об., 315, 329].

в ученье ратного строю к полковнику ко князю Ивану Львову, и с того ученья посылан в Преображенское для выбору в пешие кадеты к полковнику к Дмитрею Карпову [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 66. Л. 64 об. –65].

Затем жильцов, записанных как прежних нетчиков в пешие кадеты, 24 марта «по выбору ево Дмитриеву и по списку, каков прислан в Разряд», отправили к генерал-майору И. Чамберсу. В марте Разряд составил несколько списков царедворцев, часть которых «по смотру в Столовой полате над имяны помечено “быть”¹⁹, а где быть, о том сказано будет впредь» [Там же. Оп. 2. Д. 46. Л. 346–375]. В документах 1704 г. впервые фиксируется слово, обозначававшее человека «из бытъя», – «бытейщик».

Судя по воспоминаниям И. Н. Татищева, в 1721 г. он с братом был на разборе в Разрядном приказе:

Взят он в службу царского величества в регулярство из стольников 1706-м году в марте месяце по рассмотрению боярина Тихона Никитича Стрешнева и написан в ученье. А из ученья, как набран Азовский полк, написан во оный полк в поручики в том же году в июле месяце [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2144. Л. 111 об.].

13 сослуживцев Татищевых определялись в бытейщики в основном с лета 1705 г. В апреле 1706 г. комплектовался полк А. И. Иванова, в который зачислили более двух десятков бытейщиков, получивших после «учения» офицерство. О всех, кто имел чин жильца, сохранились записи. Жилец И. И. Кобяков в 1705 г. «выбран в бытъя и был в ученье, а ныне быть на службе в Новгороде, в полку был написан в поручики». Жилец А. П. Волчков «705-го июля в 3 день выбран в бытъя и ныне быть на службе в Новгороде и в том полку был до отпуску» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 72. Л. 81 об., 116 об.]. Спустя 15 лет в 1720 г. Артемий Волчков вспоминал о «бытъя» в своей полковой сказке:

...Пожалован в поручики в 705-м году, в сентябре месяце по указу царского величества, а по рассмотрению окольного Петра Матвеевича Апраксина – из бытейщиков в драгунский полк, который был набран из монастырских слуг. В том же году оный полк раскасован по полкам, а по раскасованию... отослан в Москву в Военный приказ, а в 706-м году определен в драгунский Азовский полк [РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 9. Л. 148].

Его однополчанин В. И. Киреевский вспоминал в 1720 г., что «взят он в службу в регулярство из житъя из шляхетства и написан... в бытейщики» и был определен в поручики Азовского драгунского полка через год [Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая, с. 140].

¹⁹ Выбранные «в бытъя» царедворцы были разбиты на пять групп (под литерами А, Г, Д, Е, S), которые также указывали принадлежность человека к списку: «под азом», «под глаголем». Некоторым «из ученья велено быть в полковой службе попрежнему» – их служба в «бытъя» прекращалась.

Из «жизья в бытѣ», в «ученье» и обратно

«Учением» бытейщиков руководили князь Иван Львов, подполковники Прохор и Анурий Григоровы, отвечавшие на запросы Разрядного приказа о состоянии бытейщиков. Видимо, набор «в учение» проходил в спешке. Несколько больных и глухих «из бытѣ и учения» затем «били челом» об отставке. Согласно подлинной статистике, в 1704 г. в бытейщики был набран 61 чел., в 1705 г. – 225, в марте – мае 1706 г. – 70 чел., «да в присылке в розных числах велено быть в ученья из москвичь вновь, которые под азами, 155 человек» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 58–59 об., 62]²⁰. За весну 1706 г. в учении у Григорова находилось 204 бытейщиков «новых и прежних», из которых

...взято в полк господину Стрешневу 13 человек, послано с Юрем Нелединским 14 человек, отдано в полк князю Григорью Волконскому 21 человек, отдано к Афтаному Ивановичю 6 человек, в полк князь Юрию Володимировичю Долгоруково 1 человек. В Смоленск послано 60 человек к новобраным салдатом, которые набираютца с трехсот и со ста дворов, написаны для ученья к чetyрем ротам по 3 человека... Итого в росходе 141 человек... в остатке прежних бытейщиков 63 человека [Там же. Л. 61–62].

В марте 1706 г. полковник и будущий сенатор князь Г. И. Волконский из 38 бытейщиков, состоявших «в ученье» и пришедших в полк, отправил 16 чел. обратно «в ученье» к П. В. Григорову. Изредка в бытейщики и «в ученье» записывали после службы в полках²¹. В каждом известном случае написание в бытейщики происходило до «учения артикулу». «Бытѣ» не было синонимом «ученья», но в определенной мере противопоставлялось службе в городских или московских чинах.

Служилые люди, назначенные «в бытѣ», могли месяцами ожидать распоряжения Разряда отправиться «в ученье», еще дольше могли ожидать наряд на «службу к полкам»²². Некоторых бытейщиков отпускали на зимние месяцы «в свои дома и деревни», другим предписывалось оставаться в Москве. В 1706 г. 32 бытейщика «по высылкам не явились» к сроку в столицу [Там же. Л. 59]. О «бытѣ» как особом служебном статусе говорят и личные судьбы.

²⁰ За 1704–1705 гг. приведен черновой вариант подсчета. Подсчеты сделаны в «тетрадке маленькой в четверть», датированной 14 мая 1706 г. Согласно белой статистике, «бытейщиков прежних служб» – 262 чел., и 18 чел. от «боярского списка», из которых «в ученье» 67 чел.; нынешних (то есть за весну 1706 г.) – 70 бытейщиков, которые все «в ученье» и 20 бытейщиков из царедворцев, из которых «в ученье» 14 чел.

²¹ В 1707 г. поручик П. И. Мечев (сын жильца) был отправлен Военной канцелярией в Разряд «в команду капитана Шишкова в свидетельство научения солдатского артикула, будто оно артикула мало умею, в Разряде написан из поручиков в бытейщики, и в том же году послан был из Москвы с бытейщиками ж в Польшу в Вильну».

²² Так, в полки к Смоленску в мае 1706 г. наряжались бытейщики, выбранные «в бытѣ» в 1704–1705 гг. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 150 об.].

Перед назначением на каждое воеводство выяснялись опыт и «службы» одного или нескольких претендентов. Челобитье на пост михайловского воеводы подал стольник Н. А. Ханыков. В приказе быстро навели справки о нем: «а в 705-м г. на смотре в Столовой полате он Микита был, а в бытье, и в начальные люди, и в приказы к делам никуда не отослан». «В бытье» Ханыков так и не попал, оставаясь до конца жизни в стольниках «без учения артикулу». Запись «в бытье» сообщала царедворцам новые условия службы: в полках регулярной армии или к выбору для обучения драгун и солдат «учения артикулу». Полтора десятка бытейщиков дьяки отправляли в «дневанье в Розряд» и ставили вопрос о возможности бытейщиков, негодных к полковой службе, высылать «к делам и посылкам» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 155].

В приказных документах говорится о «бытейщиках из житья», то есть из чина жильцов или о записи «из житья в бытье»²³. В «бытейщики» в разные годы набирали не только из царедворцев. Известны случаи набора солдат-бытейщиков и даже церковных дьячков. Не исключалось и возвращение бытейщика в прежний чин. На «разборе» Т. Н. Стрешнева в Москве у Тайницких ворот 5 марта 1706 г. трое жильцов были «выведены из бытейщиков»: у Д. Л. Волжинского «у левой руки два пальца оторвано ис фузеи», Н. А. Теприцкий был «за подучею болезнью», В. М. Ледицкий признан «малоумным». Было «велено им служить полковая служба, в которых они чинех преж сего были» [Там же. Л. 350].

Насколько же бытейщики, зачисленные Разрядным и Военным приказами, считали себя таковыми? Известно 29 сказок 1719–1721 гг., в которых армейские офицеры вспомнили о своем «бытье» в первые годы Северной войны. Согласно вышеотмеченной статистике, в 1704–1706 гг. в бытейщиках находились не менее 511 царедворцев, а также 85 «помещиков из городских», расписанных по трем статьям. Выявлено пять заручных челобитных 1705–1706 гг. с самоименованием бытейщиков, «переведенных» из жильцов. В инскрипции каждой челобитной фиксируется: «в бытье» или «написан я в бытье». Первый опыт службы и текущий статус ассоциировались челобитчиком или со службой в московских чинах, или «в бытье», а дважды чин (жильца) не упоминается вовсе (Т. Ф. Кривцов, И. Д. Писарев). «Поручиком драгунского строю» именовал себя в подписи Л. М. Протасов. Самоименование с указанием чина было типично для офицеров также и в инскрипции сказок и челобитных. В одной из пяти ранних челобитных выделяется «рукоприкладство»: «вашего величества нижайший раб бытейщик Илья Дмитриев сын Писарев руку приложил». Подписавшийся жильцом Алексей Семенович Лопухин отметил в начале челобитной: «написан я в первую

²³ В данном контексте статус «житье», «из житья» обозначал список жильцов в статусе «полковой службы» – основного перечня жилецкого списка.

статью в бытейщики» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 76. Д. 30. Л. 854 об.; Д. 31. Л. 19, 143; Д. 39 Л. 39 об. –40; Оп. 3. Д. 76. Л. 168 об.].

Служилые, записанные «в бытье», удивительно быстро примерили на себя новые «звания». Поручик «из житья» Л. М. Протасов, выбранный бытейщиком, сообщал о себе:

...А в житье служил по прошлой 705 год, а по разбору в прошлом же 705-м году в Столовой полате написан в бытье, а быв, в ученье послан в скорых числех с Москвы... в Новгород (в полк П. М. Апраксина. – А. З.)... драгуном в первую роту порутчиком, а перед своею братьею чином обънижен, а котория моя братья из бытья к тому полку написаны в капитаны, многия в чину службою моложе... [Там же. Оп. 76. Д. 30. Л. 854 об.].

В новом качестве бытейщики под влиянием такой «корпоративной» психологии апеллировали к статусу своей «братии из бытья».

Таким образом, «бытье» предполагало перспективу «регулярства» и отделяло служилого человека от так называемой сотенной организации полков «бояр и воевод», состоявших из рот стольников, стряпчих, жильцов и городских дворян. Бытейщикам в офицерских чинах у «новонабранных» полков назначались и особые денежные оклады²⁴. Бытейщики формально не исключались из списков чинов «московских» и «городовых», но фактически приобретали новый служебный статус, ожидая записи «в учение артикулу», на регулярную службу или «где сказано будет впредь».

В четырех четвертях и трех статьях

Служебный путь московских «чиновных людей» лаконично выразил подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин: «а на Москве они, стряпчие и столники, живут для царских услуг, по полугоду, пополам; а другая половина, кто хочет, отъезжают в деревни свои до сроку» [Котошихин, с. 28]. Кроме этого, в течение всего XVII столетия выбиралась походная свита для сопровождения царя «в зимних и летних походах». В первые годы Северной войны часть людей, «живших для царских услуг», были назначены в армейские полки «в начальные люди» и в «учение ратному строю». Ежегодно на смотрах-разборах определяли отставных царедворцев. На разборе 1702 г. из 299 царедворцев, сказки которых сохранились, каждый десятый оказался ранен или получил увечья «под Ругодевом» (под Нарвой) и в других «свейских походах» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 47]. Возрастные «старые и дряхлые» служилые люди спешили подать челобитные об отставке. Однако при Петре I отставка не сулила

²⁴ С мая 1706 г. 60 бытейщикам, определенным к новонабранным солдатским полкам в Смоленск, устанавливалось жалование из доходов Разряда «по 4 рубли человеку» на год [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 96–99, 150–154].

тишину и покой. Московские приказы ежегодно запрашивали 300–450 царедворцев²⁵ для назначения на воеводства, «в посылки» и «к делам» – для организации сбора даточных людей, провианта, недоимок, лошадей, охраны заповедных лесов, ямской службы, переписи имущества и для десятков других экстренных дел. Значительного резерва требовали и дворцовые нужды.

В 1703 г. состоялся «государев смотр» царедворцев. Царь, находившийся 27 января на Генеральном дворе в селе Преображенском, указывал об отставке людей, не способных к армейской службе. После этого смотра разрядные служащие расписали «по жилым четвертям» около 1200 отставных царедворцев, годных «к посылкам» для грядущих «дел» из московских приказов [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 52. Л. 71–87, 162–167, 216–240]²⁶. Распределение «по половинам» или «по четвертям» практиковалось в XVII в. для различных нужд, в частности, для охраны царского дворца. В четверти могли записать и всех явившихся «к приезду» или на смотр из числа более общей совокупности «людей налицо (наличных)» – то есть формально годных к «полковой службе». Например, почти 5 тыс. «людей московских чинов», прибывших в сентябре–октябре 1682 г. на защиту государя в Троицкий монастырь, планировали расписать на четыре чети²⁷. К концу петровского царствования находились люди, помнившие о службе уже в других «жилых четвертях» при царевне Софье²⁸.

«Жилой четью», или «четвертью» в первые годы Северной войны приказные и служилые люди называли своеобразный наряд на службу и документ, по которому отставные назначались три месяца в год «жить на Москве». Для царедворцев определялись четыре именных перечня – «четверти» (январская, апрельская, июльская, октябрьская). Отныне отставные, записанные «в четвертях»²⁹, обязывались соблюдать свои «чети», как это коснулось жильца Ф. А. Волкова: «в 702-м г по челобитью ево, Федорову, и по осмо-

²⁵ Число рассчитано из статистики: по 20 приказам 1703 г. в посылках 175 чел. Не указаны Поместный приказ и еще два десятка приказов, которые в целом могли затребовать не менее 60 чел. Ежегодно в ротации воевод требовалось около 45 чел. В Ижорской канцелярии трудилось до 20 царедворцев [РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Вяз. 55. Д. 1. Л. 7–8 об.].

²⁶ Боярский список 1705 г. отразил сводный список служилых по всем «четвертям», но без жильцов. Ежегодно из отставных, набранных «в четверти», до 7 % бывали в отставные «по старости» или умирали.

²⁷ Численно предлагалось сформировать из 4 934 чел., прибывших к 22 октября, четыре чети по 1233–1235 чел. Например, в 1-ю четь определили 160 стольников, 146 стряпчих, 250 дворян московских, 679 жильцов [РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 645. Л. 34–36].

²⁸ Прапорщик «из житья» И. П. Норов упоминал в 1720 г.: «во 191-м году был на службе в Троицком походе в полку... Шеина, и за всемирную радость с польским королем в Москве жилые четверти жил» [Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные, с. 1025].

²⁹ Также существовал отдельный перечень отставных «для совершенные их старости и дряхлости», которые освобождались от службы «в четвертях».

тру в Аптекарском приказе за болезнью ево от полковые службы он отставлен и с отставными написан в жилую генварскую четверть». В начале апреля жилец Волков был волен выехать из столицы в свои имения до следующего года. За пропуск «прошлогодкой четверти» отставным грозила отписка всех поместий. Искупить нетство могла челобитная служилого, одобренная Разрядом, о переносе «четверти» на другой срок. В 1708 г. несколько царедворцев просили вернуть свои имения за пропуск своей службы «в четьях» или «за неты отца в четверть» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 76. Д. 1. Л. 339–341; Д. 21. Л. 221; Д. 26. Л. 42, 53; Д. 29. Л. 36, 42; Д. 31. Л. 32; Д. 47. Л. 188].

Введение «четвертей» не затронуло царедворцев, которые по различным причинам оставались вне армейской службы, будучи годными к «полковой службе». Одни приписывались на долгие сроки к приказным «делам», а другие возвращались из полков и «походов» в свои имения. Поэтому правительство регулярно созывало смотры московских и других чинов. В начале 1706 г. перед Разрядом ставилась задача выяснить «наличный» состав оставшихся царедворцев для рекрутирования на службу³⁰. За весну почти полторы тысячи царедворцев и 85 городских дворян были разделены на три статьи под «азом», «веди» и «глаголем». Боярин Т. Н. Стрешнев докладывал царю, что к середине мая 1706 г. удалось созвать из уездов и столицы 1 424 чел.: «ис того числа выбрано в первую статью 320 и тех учат. Второй статьи 677 ч. в ученье не годятца, а в роты рописать мочно, толко надобной службы не надежны. Третьей статьи 427 ч. устарели и увечные».

«Учение артикулу» происходило, как у бытейщиков³¹, которых также отправляли к полкам в Смоленск³². Вновь обошли смотр больные и немощные нетчики и «огурщики». «Из новокрещенов, мурз и татар на службах и ныне на смотре многие не были», будучи возрастными. По новокрещенам подьячие выписали, «сколько за ними поместей, а ныне (на службу – А. 3.) не посылать» [Там же. Оп. 3. Д. 76. Л. 155]. Служилые из «третьей статьи» обязывались поставить одного конного рекрута с 50 дворов, но через полгода с записанных во вторую и третью статьи взымали деньги вместо службы. Перевод человека из одной статьи в другую допускался по заручным сказкам и челобитным.

³⁰ Царь и князь А. Д. Меншиков требовали от Т. Н. Стрешнева заранее дополнить его для высылки к Смоленску и Брянску новыми силами. В Москву были вызваны проживавшие до 200 верст к Брянску городские дворяне, а далее – по выборке нескольких городов и недоросли – дети царедворцев.

³¹ Подпоручик О. В. Ларионов в 1720 г. излагал в своей сказке: «а в Москве написан в службу из Разряда... в 706-м г во вторую статью в драгуны в полк... князя Ивана Львова, и был в учении до 708 году» [Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая, с. 2120].

³² Часть из 1 статьи отправлялась в Смоленск, из 2 статьи – в Брянск. Решение варьировалось, прибывшие в города отправились обратно в Москву, что вызвало необходимость январского смотра 1707 г.

* * *

В своих указах и переписке Петр I, пытаясь лаконично заменить тяжеловесные канцелярские формулы в перечислении служилых чинов, прибегал к неологизмам. В 1690-е гг. в дворцово-речевой лексике закрепилось слово «царедворцы», обозначавшее людей московских чинов, которое с тех пор не покидало речь царя. К началу нового столетия через переписку и дипломатические каналы некоторые думные люди и царедворцы заимствовали яркие эпитеты и слова, производные от полонизма «шляхта». Возникшее на основе этих фразеологизмов слово «шляхетство» царь искусственно насаждал для обозначения русских ратных и служилых чинов.

Практически забытая семантика слов, обозначавших служебные категории царедворцев, позволяет лучше понять их социальную идентификацию в ту эпоху. Распределение людей московских чинов в начале Северной войны по четвертям и статьям воспроизводило традиционные разрядные приемы, чтобы ранжировать порядок службы и определить степень годности «чиновных» людей. Определение царедворцев по служебным категориям показывает их массовое рекрутирование на «полковую службу» и к гражданским делам. За несколько месяцев до начала Северной войны более 900 чел. были назначены в «начальные люди», а через несколько лет около шести сотен «набранных вновь» могли также идентифицировать себя как бытейщики. Около 1700 царедворцев служили «в четвертях», не менее 1500 чел. – «в статьях», около 700 чел. ежегодно находилось в уездах по делам московских приказов. Запись царедворцев по четвертям и статьям действовала до внедрения губернской реформы в 1710 г. Судя по переписке и пометам на приказной документации, Петр I и его ближайшее окружение очень хорошо представляли устройство московской системы рекрутирования, обладая подробной статистикой о «чиновных» подданных. При сохранении базовых принципов служебного набора через смотры и наряды предпочтение было отдано европейскому принципу устройства чинов.

Список литературы

Волков С. С. Стилевые средства деловой письменности XVII века: на материале челобитных. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 342 с.

Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. СПб. : Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1912. Вып. 1, кн. 4. 607 с.

Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д. А. Редина. СПб. : Алетей, 2018. 722 с.

Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 / [предисл. Д. Языкова]. СПб. : Тип. Имп. Рос. акад., 1840. 314 с.

Захаров А. В. «Генеральный смотр» дворянства 1721–1723 гг.: история организации и результаты // История: факты и символы. 2020. № 4. С. 167–182. DOI 10.24888/2410-4205-2020-25-4-167-182.

- Колосов Е. Е.* Новые биографические материалы о В. Н. Татищеве // Археографический ежегодник за 1963 г. М. : Наука, 1964. С. 106–114.
- Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб. : Изд. Археогр. комиссии, 1884. 196 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. : Династическая история сквозь призму антропонимики. М. : Индрик, 2006. 904 с.
- Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. : (По материалам переписки). М. : РОССПЭН, 1999. 299 с.
- Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска : сб. док. : в 2 т. / сост. К. В. Татарников. М. : Старая Басманная, 2016. 1731 с.
- Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия : сб. док. : в 2 т. / сост. К. В. Татарников. М. : Старая Басманная, 2015. 2754 с.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными : в 10 т. СПб. : Тип II Отд. С. Е. И. В. К., 1851–1871. Т. 8. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. С 1695 по 1699 год. 799 с. Т. 10. Памятники дипломатических сношений с Папским двором и с италианскими государствами. С 1580 по 1699 год. 928 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого : в 14 т. М. ; Л. : Наука, 1888–2022. Т. 1. 888 с. Т. 4, [вып. 2]. С. 523–1259. Т. 12, вып. 1. 588 с.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 4.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 32, 44, 46–60; Оп. 3. Д. 66, 72, 73, 76; Оп. 6. Д. 176; Оп. 76. Д. 1, 21, 26, 29, 30–32, 39; Оп. 21. Д. 1179; Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 130. Д. 16. Ч. 1; Ф. 394. Оп. 1. Д. 328.
- РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2144; Ф. 490. Оп. 2. Д. 9.
- Романович-Словатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1870. 564 с.
- Pêcheux M.* L'inquietude du discours / ed. D. Maldidier. Paris : Éd. des Cendres, 1990. 332 p.
- Skinner Q.* Language and Social Change // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics / ed. by J. Tully. Oxford : Princeton, 1988. P. 119–132.

References

- Kolosov, E. E. (1964). *Novye biograficheskie materialy o V. N. Tatishcheve* [New Biographical Materials about V. N. Tatishchev]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1963 g.* Moscow, Nauka, pp. 106–114.
- Kotshikhin, G. K. (1884). *O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha* [On Russia in the Reign of Alexei Mikhailovich]. 3rd Ed. St Petersburg, Izdanie Arkheograficheskoi komissii. 196 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The Choice of the Names of Russian Princes in the 10th–16th Centuries: Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. Moscow, Indrik. 904 p.
- Marasinova, E. N. (1999). *Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII v. (Po materialam perepiski)* [Psychology of the Elite of the Russian Nobility of the Last Third of the 18th Century (Based on Letters)]. Moscow, ROSSPEN. 299 p.
- Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi v 10 t.* [Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia with Foreign States. 10 Vols.]. (1851–1871). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 8. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii s Rimskoyu Imperieyu. S 1695 po 1699 god. 799 p. Vol. 10. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii s Papskim dvorom i s italianskimi gosudarstvami. S 1580 po 1699 god. 928 p.
- Pêcheux, M. (1990). *L'inquietude du discours* / Ed. by D. Maldidier. Paris, Éd. des Cendres. 332 p.

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 14 t. [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. (1888–2022). Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 1. 888 p. Vol. 4. [Iss. 2], pp. 523–1259. Vol. 12. Iss. 1. 588 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 4.

Redin, D. A. (Ed.). (2018). *Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Boundaries and Markers of Social Stratification in Russia of the 17th–20th Centuries: Research Vectors]. St Petersburg, Aleteiya. 722 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 210. List 2. Dos. 32, 44, 46–60; List 3. Dos. 66, 72, 73, 76; List 6. Dos. 176; List 7b. Dos. 1, 21, 26, 29, 30–32, 39; List 21. Dos. 1179; Stock 199. List 1. No. 130. Part 16. Part 1; Stock 394. List 1. Dos. 328.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 489. List 1. Dos. 2144; Stock 490. List 2. Dos. 9.

Romanovich-Slovatinskii, A. V. (1870). *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava* [The Nobility in Russia from the Early 18th Century to the Abolition of Serfdom]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 564 p.

Skinner, Q. (1988). Language and Social Change. In Tully, J. (Ed.). *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Oxford, Princeton, pp. 119–132.

Tatarnikov, K. V. (Ed.). (2015). *Ofiterskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Polevaya armiya. Sbornik dokumentov v 2 t.* [Officers' *skazki* of the First Quarter of the 18th Century. Field Army. Collection of Documents. 2 Vols.]. Moscow, Staraya Basmannaya. 2754 p.

Tatarnikov, K. V. (Ed.). (2016). *Ofiterskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Garnizonnye voiska. Sbornik dokumentov v 2 t.* [Officers' *Skazki* of the First Quarter of the 18th Century. Garrison Troops. Collection of Documents. 2 Vols.]. Moscow, Staraya Basmannaya. 1731 p.

Volkov, S. S. (2006). *Stilevye sredstva delovoi pis'mennosti XVII veka: na materiale chelobitnykh* [Stylistic Means of Business Writing of the 17th Century: Based on the Material of Petitions]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 342 p.

Volynskii, N. P. (1912). *Postепенное развитие russkoi regul'yarnoi konnitsy v epokhu Velikogo Petra s samym podrobnym opisaniem uchastiya ee v Velikoi Severnoi voine* [The Gradual Development of the Russian Regular Cavalry in the Era of Peter the Great with the Most Detailed Description of Its Participation in the Great Northern War]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva A. S. Suvorina "Novoe vremya". Part 1. Book 4. 607 p.

Zakharov, A. V. (2020). "General'nyi smotr" dvoryanstva 1721–1723 gg.: istoriya organizatsii i rezul'taty ["General Inspection" of the Nobility of 1721–1723: History of Organisation and Results]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 4, pp. 167–182. DOI 10.24888/2410-4205-2020-25-4-167-182.

Zhelyabuzhsky, I. A. (1840). *Zapiski Zhelyabuzhskogo s 1682 po 2 iyulya 1709* [The Notes of Zhelyabuzhsky from 1682 to July 2, 1709] / preface by D. Yazykov. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi akademii. 314 p.

The article was submitted on 18.10.2021